

В.М. АХМЕДОВ

СОВРЕМЕННЫЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

За последние два десятилетия Ближний Восток пережил ряд крупных трансформаций общественно-политического, технико-информационного и культурно-идеологического характера, которые подготовили основу тех событий в регионе, свидетелями которых мы являемся.

Одним из рубежных событий, послуживших своеобразным катализатором происходящих перемен на Ближнем Востоке, стал распад СССР и социалистической системы в целом. Главным результатом этого факта и сопровождавших его изменений для ближневосточных государств явилось то обстоятельство, что Ближневосточный регион перестал быть ареной противоборства двух мировых суперсистем. Тщательно отстроенная в конце 1960-х – начале 1970-х годов XX столетия политическая архитектура Ближнего Востока, в соответствии с которой регион был вписан в систему мирохозяйственных связей и мировой политики эпохи “холодной войны” и последовавшей “разрядки”, стала постепенно меняться. Ближний Восток все плотнее входил в орбиту абсолютного влияния США, которые фактически распределяли роли в регионе среди своих европейских и азиатских партнеров, что вписывалось в начавшийся процесс формирования однополярного мира. Подобные изменения не могли не повлиять на характер внутренних процессов и внешней политики, как на уровне отдельных ближневосточных государств, так и региона, в целом.

Ближневосточным военно-политическим, экономическим элитам, религиозному истеблишменту и духовенству, в целом, пришлось быстро приспосабливаться к новым политическим реалиям. С учетом явной неготовности большинства ближневосточных правительств, прежде всего арабских стран, быстро реагировать на подобные изменения и традиционной инертности масс, их политика восприятия новых реалий и попытки адаптации к ним местных политико-экономических и мировоззренческих систем во многом носила “реактивный” характер. В этой связи и с учетом растущего внешнего воздействия на политические процессы в регионе стран Запада, главным образом США, происходившие внутри большинства ближневосточных стран изменения, носили в основном поверхностный характер. Как правило, они не служили их прогрессу и интересам широких слоев населения, в среде которых устойчиво начали расти антиглобалистские настроения, формироваться антизападный протест, усиливаться недоверие к собственным властям. Последнее обстоятельство было во многом связано с изменением характера внешней политики большинства ближневосточных режимов, которая не только не отвечала задачам решения внутренних потребностей, но зачастую проводилась за их счет, что вело к обнищанию значительных масс населения и долговременному застою в государстве и обществе. Попытки теоретически обосновать предпринимаемые местными властями действия на основе прежней идеологии не давали желаемого результата. Более того, как правило, они вели к падению популярности институтов, воплощавших эту идеологию среди населения, и заполнению возникающего идеологического вакуума религиозной идеей, главным образом, исламом¹.

Ахмедов Владимир Муртузович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

¹ *Мирский Г.И.* Ислам: история и современность. – Новая и новейшая история, 2010, № 1.

Сама же исламская теология, пребывая с XI в. в состоянии тщательно сохраняемой духовенством неизменности², испытывала немалые сложности в объяснении происходящего, что нередко давало почву для возникновения различного рода радикальных и экстремистских настроений и образования религиозных организаций, чья практика сильно отличалась от постулатов подлинной веры. Подобные явления во многом подкреплялись политикой США в регионе.

Вторжение в 1991 г. американских войск в Ирак (операция “Буря в пустыне” по освобождению захваченного саддамовским Ираком Кувейта) и захват Ирака – одной из крупнейших арабских стран и влиятельного члена привилегированного клуба государств – нефти экспортеров силами западной коалиции во главе с армией США в 2003 г. стал еще одним знаковым событием в цепи ближневосточных трансформаций. Этому предшествовало вторжение американских войск в Афганистан, происходившее на волне всеобщего возмущения событиями 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Указанные войсковые операции США и их западных союзников осуществлялись под флагом борьбы с терроризмом и нелегальным распространением неконвенционного оружия. Постепенно эти лозунги, весомых практических подтверждений которым найти ни в Ираке, ни в Афганистане не удалось, трансформировались в борьбу с исламом и иранской мирной ядерной программой³, к которой США стремились подтянуть как можно больше стран, в том числе и Россию, искусно играя на их внутренних проблемах. Однако уже достаточно скоро, утратившие актуальность прежние лозунги, были заменены на новые под общим названием “Построение Большого Ближнего Востока” на демократических принципах, основанных на западной системе ценностей.

Главными результатами для всего Ближневосточного региона и арабских стран, оказавшихся в подобной ситуации, стала целая цепь трансформаций, большинство из которых происходило со знаком “минус”.

Во-первых; был остановлен или существенно заторможен начавшийся после развала СССР процесс постепенного превращения Ближнего Востока из объекта в субъект международной политики. Начавшиеся рушиться скрепы, которые надежно удерживали регион в прежнем состоянии “цивилизованного колониального господства”, были сильно подкреплены силовой политикой США и их союзников, которые вместо прежнего партнера (СССР) по борьбе за влияние на Ближнем Востоке, быстро нашли нового “многоликого” противника в виде “исламского” терроризма и “атомного” Ирана. При этом характерно, что после югославских событий, наибольшее количество военных конфликтов разной степени интенсивности и масштаба происходило главным образом на Ближнем Востоке.

Во-вторых; естественный ход развития ближневосточных государств был прерван или претерпел существенные изменения в условиях во многом искусственно созданной политической ситуации в регионе и вокруг него. В результате большинство стран региона по основным социально-экономическим, общественно-политическим, демографическим и культурно-образовательным показателям сохраняло “догоняющий” характер. В среднем 30–40% населения этих государств жили на 2 долл. в день, а 5–7% владели 50% национального дохода, 50% жителей были неграмотны, 20 млн. человек безработные. Из 95 млн. экономически активного населения арабских стран – 50% были заняты в сфере услуг и неорганизованном (теневом) секторе экономики, 31% в сельском хозяйстве и только 19% в промышленности. Некоторое увеличение темпов экономического роста к 2005 г. (в среднем 5,6%) по сравнению с 1990-ми годами явилось не столько результатом экономических реформ, сколько было вызвано ростом потребления и увеличением государственных расходов в результате выросших цен на нефть. В то же время высокие темпы прироста населения позволяли предположить,

² Предпринимаемые исламскими реформаторами XIX в. попытки изменить сложившуюся ситуацию не привели к существенным изменениям статус-кво.

³ В тот период действительно мало кто сомневался в мирном характере ядерной программы Ирана.

что в ближайшие десятилетия регион будет нуждаться в создании 100 млн. новых рабочих мест⁴.

Пожалуй, единственно новым явлением в регионе стало широкое распространение и постепенная массовая доступность новых информационных технологий и телекоммуникационных систем связи. Последнее обстоятельство, несмотря на объективно прогрессивный характер, оказало в целом неоднозначное воздействие на массовое сознание населения региона и сыграло роковую роль в период так называемой арабской весны. Мы имеем в виду арабские революционные движения, охватившие Ближний Восток с конца 2010 г. и продолжающиеся по настоящее время.

В-третьих; США надежно укрепились в качестве доминирующей военной и политической силы на Ближнем Востоке, получив возможность не только влиять, но и контролировать содержание и ход важнейших внутренних и внешних процессов в отдельных странах и регионе в целом. Достаточно сказать, что безопасность Аравийского полуострова и расположенных в нем государств целиком и полностью обеспечивалась США и их военным присутствием в Персидском заливе и на базах в ряде арабских монархий Залива.

В-четвертых; в регионе образовались три настоящие региональные супердержавы в лице Израиля, Турции и Ирана, которые вели под неусыпным оком США борьбу за влияние на Ближнем Востоке, объектом которой стали арабские государства Ближнего Востока. Однако, поскольку их внешнеполитические и региональные устремления были прямо пропорциональны глубоким различиям отстраиваемых в них общественно-политических систем и внутриполитическим интересам, их региональное соперничество заканчивалось в основном “нулевым результатом”, а для арабских стран имело и самые негативные последствия. Возвышению Израиля во многом способствовала политика американских администраций Бушей (старшего и младшего), чью массированную военную помощь и политическую поддержку Израиль главным образом использовал для решения арабо-израильского и палестино-израильского конфликтов в выгодном для себя ключе. В результате начавшийся в 90-х годах в Мадриде мирный процесс ближневосточного урегулирования в первое десятилетие XXI в. практически прекратился или превратился в “игру” под названием “ближневосточное урегулирование”, которая не вела к существенным результатам (возврату оккупированных территорий), но приносила немалые политические и финансовые дивиденды участникам переговорного процесса. В результате, в канун начала арабских революций, особенно после прихода к власти в Израиле правительства Б. Нетаньяху, опирающегося на правые силы, ближневосточный мирный процесс оказался в полном тупике, а решение палестинской проблемы потеряло реальную перспективу.

Приход в 2002 г. к власти в Турции исламской Партии справедливости и прогресса (ПСР) стал своеобразным ответом на изменение геополитической обстановки и ситуации в регионе, где отмечался быстрый рост популярности движений политического ислама как внесистемной силы с сильным антизападным зарядом. Новые власти в Анкаре прекрасно осознают, что Турция, будучи страной – членом НАТО, стремящейся войти в европейскую семью, должна предложить новую модель политического устройства, чтобы не допустить неконтролируемого роста исламских движений, которые неизбежно приведут к столкновению с армией и как следствие к новым военным переворотам, что может оказаться губительным для страны и ее целостности в условиях нерешенности курдского вопроса. Для этого необходимо канализировать политический ислам в структуры власти, одновременно ограничив в них влияние военных. Подобная политика должна подкрепляться широкими программами социально-экономического развития и либерализацией политической системы, чтобы заручиться поддержкой большинства населения. Продолжающийся 10 лет турецкий эксперимент (описанный здесь схематично) оказывается пока в основном весьма успешным. Но окончательную точку в нем

⁴ Bloomberg, 28.VI.2005; The New York Times, 7.IX.2005; Аль-Ахрам (Египет), 8.VIII.2005; MENA Report, 21.IV.2005.

можно будет поставить после принятия новой турецкой конституции, которая должна увенчать долговременные усилия властей Анкары. Одновременно Турция заметно активизировала свою политику на арабском Востоке, чтобы, с одной стороны, закрепить и развить имеющиеся у нее там крупные энергетические, нефтегазовые, торгово-индустриальные проекты, а с другой, продемонстрировать Европе, что Анкара может служить “безопасным окном” в Ближневосточный регион и успешным посредником в разрешении застарелых региональных конфликтов. Активная политика Анкары на Ближнем Востоке многими в арабских странах воспринималась неоднозначно. “Светские” военно-политические режимы в целом настороженно относились к экспериментам турецкой ПСР внутри страны и опасались роста идей нового османизма, памятуя 400-летнее господство Османской империи.

За активностью Турции в регионе настороженно следил и Иран. После распада СССР и ослабления позиций России в Центральной Азии, где у власти находились “слабые” правительства, уничтожения сильного Ирака и воцарения хаоса в Афганистане, для Ирана сложились весьма благоприятные обстоятельства, которыми Тегеран не преминул воспользоваться для усиления своих позиций в регионе. За короткий период времени Иран создал свою ось безопасности, которая тянулась с юга Ирака, через Сирию в южные районы Ливана, находившиеся под контролем близкой Тегерану в идеологическом отношении “Хизбаллы” (партия Аллаха – военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия) и далее в Газу (Палестина) на средиземноморском побережье, где власть сосредотачивалась в руках союзного Ирану палестинского “Хамас” (исламское движение сопротивления). Данное обстоятельство вызвало резкое неприятие в арабских монархиях Персидского Залива и Египте, что привело к невиданному прежде всплеску арабо-иранского противостояния, которое в ряде случаев перекрывало арабо-израильскую вражду. С учетом того, что неприятие политики шиитского Ирана было вызвано главным образом в странах с преимущественно суннитским населением, это подливало масла в огонь разгоравшихся в регионе суннитско-шиитских противоречий, начало которым было положено после захвата американцами Ирака и резкого обострения внутривосточной борьбы в Ливане накануне войны 2006 г. с Израилем и после нее. В результате впервые за свою многовековую историю Ближневосточный регион вплотную столкнулся с опасностью раскола по конфессиональным и этническим линиям.

С другой стороны, тот факт, что арабо-израильские войны в Ливане (2006 г.) и Газе (2008–2009 гг.) вели не арабские армии, которые уже фактически с 1973 г. по-настоящему не воевали с Израилем, а боевые отряды исламского сопротивления в лице ливанской “Хизбаллы” и палестинского “Хамас”, решавших вопросы войны и мира, обозначил еще одну весьма негативную тенденцию в регионе и послал тревожный сигнал мировому сообществу. Все это открывало путь к началу эпохи нового вида войн, которые в условиях резкого обострения конфессиональных противоречий в регионе могли принять характер религиозных войн эпохи Средневековья, но с использованием современных вооружений и новых информационных технологий.

Таким образом, к моменту начала арабских революций в регионе, всегда отличавшемся повышенной конфликтогенностью, создалась взрывоопасная ситуация, которая могла проявиться в совершенно различных формах, в том числе и в форме массовых народных движений, восстаний и революций, подспудно зреющих в глубинной среде Ближневосточного региона.

НОВЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Выше уже был назван ряд основных исторических причин и социально-политических предпосылок арабских революционных движений, охвативших Ближний Восток. Однако большинство из них сохраняется как в странах победивших революций (Тунис, Египет, Ливия), так и в государствах, где продолжают вооруженные столкновения

правительственных войск с оппозицией (Йемен, Сирия). Об этом ясно свидетельствуют события, произошедшие в ноябре – декабре 2011 в Тунисе и Египте, связанные с процессом парламентских выборов, формированием правительств и попытками создания новой судебной системы. Причиной многих процессов, которые не могут получить своего завершения в Сирии, является достаточно свежий исторический контекст, в рамках которого происходило формирование основных политических институтов государства и развитие общественного сознания⁵.

Усиливавшаяся со второй половины 1990-х годов вовлеченность арабских стран в общемировые процессы глобализации и модернизации происходила на фоне ускорения в них процессов смены власти и активизировавшихся попыток изменить характер действующих политических систем. В то же время многие шаги арабских руководителей в этом направлении отличались крайней противоречивостью и по многим параметрам оказывались несостоятельны.

В начале 2000 г. под воздействием демонстрационного эффекта демократизации в других регионах некоторые арабские правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. В главном выигрыше от этой либерализации оказались политические движения ислама. Но исламские организации не обладали устойчивыми политическими позициями внутри своих стран и не пользовались поддержкой различных слоев общества, в силу чего их влияние на процесс принятия решений носил по большей части ограниченный характер⁶. Как показали итоги выборов, прошедших в первом десятилетии XXI в. в ряде арабских стран, еще меньшим влиянием на процессы выработки решений располагали светские оппозиционные политические партии, будь-то запрещенные или легализованные. Последние, будучи встроены властями в структуру квазиполитических объединений типа “народных фронтов” под руководством партии власти, служили внешним “демократическим” обрамлением однопартийных по сути режимов. В результате они испытывали острый кризис политической самоидентификации, а в их руководящих структурах шла ожесточенная борьба за лидерство. Правящие партии уже давно превратились в партию одного человека и были не способны самостоятельно воспринимать идеи партийного плюрализма и политической конкуренции без сильной политической “инъекции” извне.

В Сирии по мере укрепления режима личной власти Х. Асада правящая Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) на деле оказалась лишенной реальных директивных prerogatives. В значительной степени это объяснялось спецификой эволюции в 1990-е годы политической системы Сирии, которая внутренне консолидировалась не столько партийно-политическими, сколько этно-конфессиональными узлами, факторами личной лояльности Х. Асаду. Достаточно сказать, что с января 1985 г. и вплоть до лета 2000 г. не удалось провести ни одной региональной конференции (съезда) ПАСВ, что казалось особенно противоестественным в условиях переживаемых страной экономических трудностей, роста социальной напряженности и углубления идейно-политических разногласий в правящих кругах. На самом деле желание режима сохранить свою устойчивость и реализовать намеченную схему передачи власти зача-

⁵ Подробнее см.: *Ахмедов В.М.* Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М., 2010.

⁶ Показательно, что после победы революции в Египте 25 января 2011 г. в организации “Братья-мусульмане” развернулась острая дискуссия по вопросам, связанным с их участием в политике в качестве легальной партии, ее целях, задачах, методах работы и т.п. В конечном счете было принято решение о создании своей политической партии, опирающейся на исламские ценности, но снимающей ряд ограничений, установленных религией, на участие в партии женщин, представителей других конфессий, светских политиков. Менялись также и программные установки партии. Иными словами “Братья-мусульмане” шли в парламент как политическая партия, чтобы заниматься исключительно политикой. При этом религиозная структура организации продолжала свою просветительскую и общественную работу в стране, не будучи связанной с новой политической партией. “Братья-мусульмане” также заявили об отказе выдвигать на ближайших президентских выборах своего кандидата и исключили из своих рядов несогласных с этим решением.

стью являлось более важным моментом, определяющим ход событий, по сравнению с партийной доктриной. Поэтому власть в этот период в значительно большей степени опиралась на вооруженные силы и органы безопасности⁷.

Большинству ближневосточных правителей все труднее становилось “покупать” лояльность своего населения. Успехи религиозных политических движений и партий по сравнению с их либеральными светскими соперниками на выборах в Ираке, Египте, Палестине, Ливане породили в кругах арабской правящей элиты законные опасения за свою собственную судьбу и будущее их государств.

В ряде случаев это привело к тому, что в отдельных странах региона процессы перемен явно застопорились. Так, находящийся у власти с 1978 г. президент Йемена А. Салех изменил ранее принятое решение не выдвигать свою кандидатуру на очередных президентских выборах. В сентябре 2006 г. он вновь был переизбран на 7-летний срок. Сирийский президент Б. Асад и его команда реформаторов стали меньше говорить о планах экономической модернизации и политической либерализации в Сирийской арабской республике (САР). Отход Асада от данного им в 2001 г. обещания провести следующие выборы президента на альтернативной основе и фактическое переутверждение в июне 2007 г. сирийского президента на новый 7-летний срок ясно обозначили настроение сирийской правящей элиты, которая предпочла стабильность любым переменам.

Со времени парламентских и президентских выборов в Египте в 2005 г. власти страны мало продвинулись по пути демократии. Озвученные Х. Мубараком в ноябре 2006 г. планы изменить 76-ю статью действующей конституции, определяющей порядок смены власти в стране, так и не обрели практических контуров⁸. В условиях неопределенности вопроса о преемственности власти и механизме ее передачи жесткие действия египетских властей в отношении оппозиции порождали опасения за сохранение стабильности в этой крупнейшей арабской стране.

В феврале 2005 г. в Саудовской Аравии, впервые в истории, были проведены частичные муниципальные выборы, однако избранные в ходе их городские советы так и не смогли полноценно заработать к назначенному времени. К тому же, с конца 2007 г. в саудовском руководстве усилился конфликт между представителями различных поколений саудовской королевской семьи по вопросу о путях дальнейшего развития страны. Данный факт косвенно свидетельствовал о том, что устоявшийся порядок власти в королевстве может быть поколеблен, особенно в случае возникновения в регионе нового военного конфликта.

В то же время в большинстве стран региона наблюдался рост социального напряжения. Решение острых социальных вопросов было невозможно без структурных реформ экономики и определенной либерализации действующей политической системы. Вместе с тем, арабские правители полагали, что внедрение рыночных отношений и либерализация политической системы может потерпеть крах из-за порождаемого ими экономического и социального неравенства и привести к эскалации политической борьбы, подрыву экономики и государственным переворотам, особенно в обществах, не имеющих устойчивых демократических традиций. В этой связи арабские режимы считали необходимым усиливать руководство со стороны государства как за ходом реформ, так и процессом демократизации, при этом во многом опираясь на армию и спецслужбы. Тем более в ситуации, когда дальнейшее ухудшение финансово-экономического положения могло привести к социальному взрыву в ряде государств арабского Востока, армия и другие силовые институты становились, по сути, решающим субъектом политики, главной опорой власти в стремлении сохранить режим. Избежать подобной ситуации было возможно, сменив курс проводимых реформ за счет придания им большей социальной направленности и проведения политической либерализации. Однако в условиях араб-

⁷ Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003, с. 56–57.

⁸ Ахмедов В.М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. М., 2008, с. 29.

ских стран, где роль военных в политике была традиционно высока, изменения любого характера неизбежно сталкивались с проблемой “согласия” военных, поскольку переход от авторитаризма к демократии в условиях чрезмерной милитаризации государства и общества не мог не затронуть позиции военных.

Действительно, от позиции военных во многом зависели и дальнейший ход модернизации, и судьбы самих арабских режимов. В представлении самих военных модернизация в регионе должна была сводиться к модернизации экономической. Политическая же либерализация рассматривалась ими, в лучшем случае, как отдаленная перспектива. Во многом непропорционально большое влияние на власть военных было обусловлено еще и слабостью самих ближневосточных политиков. Во главе ряда политических партий на арабском Востоке стояли лидеры, которые не очень прислушивались к идущим снизу призывам обновления. Подобная политическая “глухота” не позволяла им адекватно реагировать на происходящие в мире и регионе изменения и попытаться легитимизироваться в рамках новой идеологии и политической практики. Прежняя конфигурация власти блокировала новые инициативы и консервировала традиционную систему выдвижения руководящих кадров. В результате влияние военных и связанных с ними отрядов чиновничьей, партийной бюрократии в политике в условиях переживаемого регионом кризисного этапа развития оставалось весьма значительным, потому что в массовом сознании укрепилось мнение, что гражданские политики далеко не всегда были способны обеспечить долговременную политическую стабильность и эффективное управление страной.

Постоянное стремление военных находиться рядом с властью, а то и внутри нее, имело и обратный эффект, как правило, негативный. Это проявлялось в ослаблении способности гражданских властей эффективно контролировать свое политическое пространство и самим эффективно руководить политическим процессом. Политическая слабость и неуверенность гражданских властей во многом определялись особым статусом военных, утвердившимся в национальном сознании и исторической памяти народа. Политики смотрели на многие процессы в стране глазами военных, опасаясь бросить вызов армии. Даже вопросы, которые в демократических странах решались бы в сфере гражданской политики, социологии, культуры и экономики, в государствах региона становились предметом национальной безопасности и автоматически включались в компетенцию военных. Политическое пространство, где гражданские власти могли бы действовать политическими средствами, оставалось, таким образом, весьма ограниченным, а действия политиков (всегда с оглядкой на военных) зачастую оказывались неэффективными, вызывали недоверие значительных групп населения и способствовали низкому уровню народной поддержки. И, напротив, на этом фоне доверие к военным в обществе было высоким, а гражданский контроль над армией и спецслужбами фактически отсутствовал. В подавляющем большинстве арабских стран гражданское общество только начинало складываться. Между формирующимся гражданским обществом и военными сохранялось немало противоречий. Немногочисленные представители гражданского общества, автоматически зачисляемые властями в оппозицию, выступали за глубокое реформирование армии и спецслужб. При этом сами власти стремились сохранить статус-кво, опасаясь нарушить сложившийся баланс сил и интересов, особенно затронуть интересы военных, от позиции которых напрямую зависели проблемы смены власти и сохранения стабильности правящих арабских режимов.

Во многом это было продиктовано самим характером власти и тем обстоятельством, что арабские лидеры, как правило, были значительно старше руководителей других стран мира. Многие из них находились на своих постах десятилетиями. Это же касалось и многих руководителей ключевых министерств и ведомств арабских стран. Несмотря на то, что, начиная с середины 1990-х годов, в регионе ускорились процессы смены правящих элит и прихода к власти молодого поколения арабских лидеров, механизм смены власти в арабских странах оставался во многом традиционным и плохо соответствовал задачам нового времени. Данное обстоятельство было чревато не только возможностью подрыва сложившегося баланса сил в арабских странах, но и создавало реальную угрозу сохранению стабильности правящих в них режимов.

Арабские лидеры оказались в весьма непростом положении. С одной стороны, они понимали объективную необходимость осуществления внутренних преобразований. С другой, инициированная США и другими странами Запада в 2007–2009 гг. программа реформ “Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки” вызывала у них немалые опасения и скептицизм. Несмотря на то, что к власти в арабских странах постепенно приходило новое поколение арабских лидеров (Марокко, Иордания, Катар, Бахрейн, Сирия, Объединенные арабские эмираты), контроль над крупными финансовыми потоками и принятием основных политических решений по-прежнему в значительной мере осуществлялся старыми правящими элитами. В такой ситуации форсированные шаги, к тому же продиктованные извне, по отстранению старых правящих элит от власти только усиливали их сопротивление реформам, дестабилизировали обстановку и создавали в стране политический вакуум, в условиях которого возрастала вероятность прихода к власти “исламистов”.

* * *

Уход из жизни в последние десятилетия многих знаковых фигур на Ближнем Востоке обострил одну из основных проблем современной арабо-исламской государственности, когда переход власти и смена элит превращались в коренную трансформацию общества. С конца 90-х – начала 2000-х годов немало крупных стран региона стояло на пороге передачи власти от одного правителя другому, от старого порядка к новым формам правления. Однако в сложившихся политических условиях Ближнего Востока эти изменения могли иметь весьма негативные последствия. Тем более что в арабском мире, не было харизматического лидера регионального масштаба, который мог бы предложить исключительно общеарабский проект модернизации светского общества с учетом интересов арабо-исламского большинства, прав и желаний национально-религиозных меньшинств и сплотить вокруг него представителей региональных элит и широких слоев населения арабских стран. Арабские руководители из числа политических долгожителей находились в достаточно преклонном возрасте и уже пережили пик своей политической карьеры. В сложившейся на Ближнем Востоке непростой обстановке им больше приходилось думать о том, как и кому передать власть в собственной стране. С одной стороны, они были обеспокоены тем, как обеспечить преемственность проводимого ими курса, чтобы гарантировать сохранность собственных интересов и стоящей за ними властной группировки после ухода с руководящих постов. С другой, они были вынуждены заботиться о том, чтобы процесс передачи власти осуществлялся не конфронтационным и по возможности мирным путем, а легитимность его результатов не подвергалась бы сомнению большинством населения и не вызывала бы желания их пересмотреть. Именно через эту призму они были склонны рассматривать общеарабские интересы.

Пришедшие к власти во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов молодые арабские лидеры сталкивались с не меньшими трудностями. Практически все они оказались у власти не в итоге борьбы за нее, а получили ее “по наследству” от своих отцов. Произошло это в результате компромисса интересов различных элитных групп, достигнутого во многом не столько за счет добровольного согласия этих групп и демократического выбора народа, сколько путем целой серии хитроумных политических комбинаций и силовых ходов местных спецслужб по нейтрализации возможных соперников и конкурентов. Поэтому они даже после своего прихода к власти в течение достаточно длительного времени были лишены реальных властных полномочий. Им приходилось, прежде всего, думать о создании собственной властной команды и балансировать между различными “центрами силы”, периодически доказывая как внутри собственной страны, так и за ее пределами легитимность своей власти и свою способность к руководству государством⁹. В результате, в канун революционных событий многие арабские госу-

⁹ Любопытно, что, по свидетельствам как сторонников нынешнего сирийского президента, так и его ярых противников, если бы сегодня во главе Сирии находился Хафез Асад, то подобного развития событий в стране явно удалось бы избежать.

дарства представляли собой страны, раздробленные различными кланами и властными командами: партийно-бюрократическими, силовыми, олигархическими, региональными, этническими, конфессиональными, племенными. Их население было склонно олицетворять свою безопасность и благополучие не столько с институтами государства, сколько с родством или принадлежностью к одному из таких кланов или команд. В ряде арабских стран основные административные рычаги и финансово-экономическая мощь были сосредоточены в руках традиционных правящих элит с омолодившейся властной верхушкой. Поэтому как традиционные, так и молодые лидеры арабских стран проявляли крайнюю осторожность при рассмотрении программ политических реформ, представляющих угрозу стабильности их власти.

К тому же, в большинстве случаев передача власти в арабских странах на рубеже XX–XXI вв. происходила мирным путем, по крайней мере, на ранней стадии. В Иордании Абдалла II в 1999 г. наследовал власть от своего отца и принял руководство монархией. После восшествия на престол он стремился проводить политику, сходную по основным внутренним и внешним параметрам с прежним курсом короля Хусейна. Однако уже очень скоро под воздействием внутренних и внешних обстоятельств, ему в вопросах управления государством все чаще приходилось менять правительства и постепенно идти на уступки “исламистам”. После начала арабских революций, особенно событий в соседней Сирии, Абдалла II осенью 2011 г. принял ряд декретов, которые по оценке арабских и зарубежных экспертов открывали путь к изменению сложившегося строя и превращению Иордании в парламентскую монархию.

В Сирии до недавнего времени позиции Б. Асада казались достаточно прочными. За последние годы он существенно омолодил сирийскую военно-политическую элиту, постарался привить ей новую политическую культуру и тем самым существенно расширил базу собственной поддержки внутри основных механизмов власти – партии, госаппарате, силовых структурах. Начав в июле 2004 г. реформу в армии и спецслужбах Б. Асад отправил в отставку менее чем за год 440 высокопоставленных офицеров армии и спецслужб¹⁰. Сохраняя в целом неизменными рамки прежней системы, он, тем самым, получил возможность приступить к поэтапной программе реформ без видимой угрозы нарушения баланса сил в правящей элите и социальных потрясений в обществе. Однако с изменением ситуации на Ближнем Востоке и в мире в целом новое политическое руководство Сирии во главе с Б. Асадом фактически остановило ход намеченных в 2005 г. XX съездом ПАСВ реформ. В результате режим погряз во внутренних противоречиях, которые нередко выливались в открытую борьбу за власть внутри правящей верхушки. Усиливались открытые выступления масс против власти. Начавшаяся 15 марта 2011 г. революция в САР вошла в новую фазу после 20-х чисел января 2012 г., когда ЛАГ приняла единогласное решение об отставке Б. Асада.

Критическая ситуация накануне революционных событий сложилась также в Тунисе, Египте, Ливии и Саудовской Аравии, где остро встал вопрос смены руководства. Во всех странах престарелые руководители занимали руководящие посты, а их сыновья и родственники выступали в качестве возможных преемников. Их способности консолидировать власть представлялись весьма неопределенными. В случае начала массовых волнений и борьбы за власть в нее могла оказаться вовлеченной армия и спецслужбы, что и произошло.

В Египте процесс эволюции политической системы был чрезвычайно затруднен и происходил медленными темпами в закрытом порядке. Проблема трансформации сложившегося механизма власти осложнялась тем обстоятельством, что за годы относительной стабильности режима, в качестве единственно эффективной альтернативной политической силы Египта остались только исламисты, прежде всего в лице организации “Братья-мусульмане”. Итоги парламентских выборов 2005 г., в ходе которых они получили около 20–25% мест в парламенте, шокировали власти. Поэтому, во время избирательной кампании 2010 г. режим отдал спецслужбам приказ сделать все возможное,

¹⁰ The New York Times, 19.III.2005.

чтобы не допустить “Братьев-мусульман” в парламент. Результаты и ход ноябрьских 2010 г. парламентских выборов в Египте показали, что страна стоит на пороге больших перемен. В этих условиях в Египте остро встал вопрос о выработке современного механизма смены власти и ее преемственности. Усилились разговоры о том, что Х. Мубарак твердо решил выдвинуть в качестве наследника своего сына Гамалея – успешного бизнесмена¹¹. Наряду с сыном Мубарака в качестве возможных претендентов на президентский пост рассматривали также некоторых высших военачальников и руководителей спецслужб. После антимонархической революции 1952 г. египетские вооруженные силы превратились в стеновой хребет режима. Поэтому выбор вероятного преемника из военной среды выглядел оправданным с точки зрения политической логики и существующей практики. Судя по всему, Мубарак хорошо осознавал всю сложность данной проблемы и уже начал готовить решение вопроса о преемственности власти в стране. С 2005 г. президент произвел ряд кадровых перестановок в высшем командном составе армии. В египетских военно-политических кругах были склонны увязывать периодические кадровые замены в высшем командном составе вооруженных сил с планами Мубарака по отработке механизма передачи власти¹². Как и в других арабских странах, в Египте безопасность базировалась на способности военных контролировать процесс передачи власти и удерживать внутриэлитные конфликты от превращения их в открытую борьбу за власть. В условиях начавшейся 25 января 2011 г. египетской революции армия доказала, что реальным гарантом поддержания внутривластной стабильности и безопасности в Арабской республике Египет являются не весьма хрупкая и слабая демократия и во многом формально существующая многопартийная система, а вооруженные силы.

Однако после революции 25 января 2011 г., все больше египтян задаются вопросом: не совершили ли они ошибку, когда прекратили революцию и отдали бразды правления в руки военных? Как можно было доверять высшему военному командованию и генералам, которые воспитывались и выросли в условиях прежнего режима, которому они во многом обязаны своим высоким положением и материальным благополучием? Не работает ли Высший военный совет для того, чтобы похоронить революцию, а не развить ее завоевания? Как можно доверять судьям, которые судят Мубарака, если он сам же их и назначал? И как вообще можно верить армии, по крайней мере, ее высшему командному составу, который за последние десятилетия превратился в арабских странах в инструмент режима для сохранения собственной власти? Обладают ли военные всей полнотой власти и возможностями для того, чтобы совершить контрреволюционный переворот и выступить против революции, как это происходит в Сирии? По данным экспресс-опроса общественного мнения, проведенного 22 октября 2011 г., 64% египтян считали, что Военный совет плохо справляется со своими обязанностями по руководству страной после революции. Вместе с тем следует признать, что только благодаря позиции армии, ее генералитету удалось добиться победы революции в Египте. Именно военные вывели технику и солдат на улицы египетских городов, провозгласив лозунг “Народ и армия – одна рука!”.

В то же время надо понимать, что сегодня Военный совет – это больше политический орган, хотя и связанный с армией через неформальные узы военной корпорации. Но не все офицеры египетских вооруженных сил поддерживают действия Военного совета. Поэтому было бы неверным полностью олицетворять его с армией. Основной вопрос, который решают для себя египтяне, что нашло отражение в ходе миллионных митингов, начавшихся 25 ноября 2011 г. в Каире, – это сохраняет ли Военный совет как управляющая структура приверженность своим прежним обязательствам, данным в ходе революции, и может ли он справиться с функцией беспристрастного арбитра? Смена главы кабинета министров накануне парламентских выборов и закончившийся 28 ноября 2011 г. их первый тур, частично дали ответ на ряд поставленных вопросов.

¹¹ Восток, 2006, № 3, с. 75.

¹² MENL, 28.X.2005.

Процесс формирования нового правительства и других органов власти должен решить главный вопрос, который волнует всех египтян: готовы ли военные добровольно уйти из политики, и на каких условиях? От того, каким будет ответ на этот вопрос, во многом зависит будущий путь Египта. Пойдет ли страна по пути современной Турции во главе с Партией справедливости и прогресса или же будет предпринята попытка установить в Египте исламскую республику по типу иранской, либо стране уготован путь, по которому идет Пакистан, где правят военные¹³.

Неопределенность перспектив сохраняется в тех странах где, казалось бы, проблема смены власти была решена и являлась “семейным делом”, как, например, в Саудовской Аравии. Действующий в королевстве механизм преемственности власти оформился еще в 1930-х годах во время правления основателя современного саудовского государства короля Абдель Азиза Ибн Сауда. Согласно ему власть в королевстве носит наследственный характер и передается по старшей линии в роду представителям семьи Саудидов и связанных с ней родственными узами крупнейших племенных кланов Саудовской Аравии. Статья так называемого “Основного закона”, принятого королем Фахдом в начале 1990-х годов, и созданный в 2000-м году совет из 18 старших принцев королевской семьи по определению преемственности власти, несколько расширили возможности власти в вопросе выбора преемника¹⁴. Принятый осенью 2006 г. закон о создании комиссии по принятию королевской клятвы внес определенные коррективы в статью 5 “Основного закона” и был направлен на создание защитных механизмов от внутрисемейной борьбы за власть, придание конституционности процессу ее передачи, и несколько расширил круг участников механизма принятия решений и кандидатов на высшие должности в стране.

Однако эти меры носили косметический характер и не могли изменить сложившуюся практику в вопросе смены власти. До начала революционных событий на арабском Востоке традиционный механизм работал достаточно устойчиво. Передача власти наследному принцу Абдалле после кончины короля Фахда в августе 2005 г. прошла без видимых конфликтов в правящей элите. Впервые в истории королевства к власти пришел выходец не из клана Судейри, представители которого традиционно правили страной после смерти Ибн Сауда. В то же время, воцарение Абдаллы на саудовском престоле вряд ли могло свидетельствовать о серьезных переменах в вопросе о власти на верхних этажах правящей элиты. Скорее это произошло в результате компромисса между соперничающими фракциями королевского семейства в целях сохранения преемственности саудовского курса. Одним из первых указов новый король назначил в качестве наследника престола выходца из клана Судейри – Султана Бен Абдель Азиза (ныне покойного), занимавшего пост министра обороны с 1962 г. Таким образом, сохранился традиционный механизм смены власти и баланс сил в правящей элите. Власть королевства стремились объединить свои силы для решения стоящих перед страной весьма непростых задач. Речь шла, прежде всего, о выработке оптимального курса государственных реформ и противодействия терроризму. Поэтому говорить о наличии какой-либо системной оппозиции, тем более внутриэлитного характера, не приходится. Однако насколько долго сможет сохраняться в неизменном виде достигнутый баланс сил, особенно с учетом тех изменений, которые произошли в королевстве и регионе за последние 10 месяцев, сказать достаточно сложно. Сохранять прежнее равновесие становится все труднее. Третье поколение в правящей королевской семье постепенно выходит на политическую авансцену и требует своей доли власти. В целях сохранения баланса сил саудовскому руководству уже приходится разрабатывать новую формулу власти, способной обеспечить доступ к управлению государством представителей нового поколения саудовцев, и не только из ныне правящей семьи. Это особенно актуально с учетом наличия в стране внесистемной оппозиции, ряды которой регулярно пополняются за счет выходцев из небогатых слоев городского населения и сельских мигрантов.

¹³ aljazeera.net, 22.X.2011; 04.XII.2011.

¹⁴ Восток, 2006, № 3, с. 76.

В этой связи борьба с бедностью и безработицей становится актуальной задачей саудовских властей. Ее решение облегчается благоприятной конъюнктурой на мировых рынках нефти. Куда большую озабоченность саудовского руководства вызывает значительная религиозная оппозиция, которая не только потенциально угрожает стабильности страны, но и способна подрвать легитимность нынешней власти, основанной на принципах ислама и шариата. Углубляющееся в стране социальное неравенство, несомненно, служит питательной средой для роста оппозиционных настроений, которые в условиях отсутствия светских политических и общественных институтов канализовались в религиозной форме. Однако если треснувший социальный мир можно попытаться склеить путем массивных финансовых вливаний¹⁵, то куда сложнее справиться с решением политических проблем общеарабского характера. Эскалация напряженности в регионе приводит к тому, что призывы к джихаду становятся привычным элементом пятничных проповедей в мечетях королевства. К тому же оппозиция пользуется симпатией и поддержкой различных групп населения страны, в том числе представленных в саудовских силовых структурах. Пока саудовскому режиму удастся справляться с акциями социального протеста¹⁶ и удерживать их от перерастания в неконтролируемые действия. Однако практически невозможно предсказать, когда количество перерастет в качество и градус внутренней напряженности повысится настолько, что приведет к нарушению военно-гражданских отношений и баланса власти. Сложно также спрогнозировать, до каких пределов спецслужбы и армия смогут действовать против своего народа. Нельзя исключать, что регулярные войска могут решить отойти на задний план, предпочитая не столько подавлять, сколько умиротворять общественность. Если режим утратит поддержку со стороны армии, он станет более уязвим для оппозиции, прежде всего действующей под знаменем политического ислама.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И АРАБСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Как было показано выше, важные политические события, охватившие арабские государства Ближнего Востока в XX в., затронули различные сферы экономической, политической и духовной жизни арабов. Это привело к серьезным сдвигам в сознании людей и способствовало созданию материальных предпосылок для формирования новых элементов общественно-политического сознания. Все это наложило определенный отпечаток на процесс эволюции современной социально-политической мысли на арабском Востоке и поведенческий стереотип арабских народов. На всем протяжении XX столетия две основные тенденции в развитии арабского общественного сознания – традиционная мусульманская идеология и светская мысль, ориентирующаяся на Запад, – взаимодействовали и противодействовали на всех уровнях сознания арабского общества. На рубеже XX–XXI вв. развитие общественно-политического сознания в арабских странах Ближнего Востока определялось рядом взаимовлияющих (если не сказать взаимоисключающих) факторов. С одной стороны, это и глубоко укоренившиеся в массовом арабском сознании идеи межарабской и исламской солидарности и опыт тысячелетнего противостояния христианскому миру, и историческая память о победах над крестоносцами и горечь поражения в ходе противостояния европейской колониальной экспансии. С другой стороны, процессы модернизации и “вестернизации”, начало которым было положено еще в XIX в., оказывали серьезное воздействие на мировоззрение различных социальных групп и слоев арабского общества. Это было связано с тем, что в каждой арабской стране есть свой так называемый субкультурный код, обусловленный ее историей, этническим и конфессиональным составом населения, его

¹⁵ В конце лета 2011 г. саудовский король издал ряд декретов, согласно которым на социальные нужды населения было ассигновано несколько миллиардов долларов США.

¹⁶ Одним из примеров такого рода социального протеста стало выступление в ноябре части шиитского населения Восточной провинции королевства с требованиями улучшения своего социального положения.

национальными обычаями и традициями. В поведении и мировосприятии арабских народов заложены некие общие основы, связанные в первую очередь с базовыми элементами веры, общности языка, территории, происхождения и исторической судьбы. Так, значительная часть населения арабских стран отрицательно относится к навязываемым Западом процессам глобализации и форсированной политической модернизации. С их точки зрения, эти процессы могут оставить не удел средние слои и полностью разорить неимущие сельские и городские низы, составляющие в ряде арабских государств более половины населения. Состояние перманентной социальной напряженности накануне арабских революций становилось характерным явлением практически для всех арабских стран Ближнего Востока, даже таких внешне благополучных, как нефтедобывающие монархии Персидского залива.

Это явление было порождено рядом факторов как внутреннего, так и внешнего характера. В первом случае речь шла о маргинализации значительной части городского населения арабских стран в результате быстрых темпов демографического роста и развития процессов урбанизации в условиях сохраняющихся авторитарных методов правления, базирующихся на принципах личной власти, конфессиональной, клановой и земляческой общности. Пауперизация немалой части населения арабских стран сопровождалась сверхбогатством части руководящей верхушки, контролирующей основные финансовые потоки страны. Так, в период с 2003 по 2004 г. общий объем личных капиталов зажиточных людей на Ближнем Востоке вырос и составил 1–1,3 трлн. долл. США. При этом данный показатель демонстрировал значительно более быстрый рост, чем в каком-либо ином регионе мира. Ежегодные темпы прироста числа богатых людей в Ближневосточном регионе могли составить в ближайшие несколько лет – 9,1%¹⁷. Одновременно росла грамотность арабского населения, постепенно сближались культурные уровни мужчин и женщин, а вместе с этим объективно менялось и общественное самосознание людей. Подобная динамика во многом была обусловлена развитием процессов модернизации, однако в указанных условиях развития арабских стран она могла нередко обращаться против Запада и исходящих оттуда идей демократии и реформ.

Война США против терроризма, зачастую ассоциируемая с войной против ислама, присутствие американских войск в Ираке, палестино-израильский конфликт способствовали росту напряженности в странах арабского Востока¹⁸. Силы безопасности пытались контролировать эти процессы. Однако арабские лидеры опасались, что подобные демонстрации могут выйти за политические рамки и дестабилизировать режим. Спецслужбы и регулярные воинские части этих стран оказались в сложном положении. Фактически им пришлось выступить против мнения большинства собственного народа. Данное обстоятельство могло серьезно дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в арабских странах, особенно в обстановке массового народного подъема¹⁹. Тем более что активная вовлеченность США в дела региона вела к росту недовольства широких слоев населения и провоцировала антиамериканские демонстрации. На практике это выражалось в росте исламистских настроений в арабских странах и активизации в них радикальных исламских движений, представители которых стремились под флагом демократии и реформ утвердиться во властных структурах государства. Идеология возврата к “истинному или первоначальному” исламу во многом подпитывалась на-

¹⁷ См.: Политическая культура и деловая этика стран Востока. М., 2006, с. 300.

¹⁸ Предпринятые в 2010 г. президентом США Б. Обамой усилия по исправлению антиисламского и антиарабского имиджа США на Ближнем Востоке в ходе его выступлений в Каире и Анкаре не принесли быстрых результатов. Однако ясно обозначили новый вектор в политике США в отношении движений умеренного ислама, что позволило американцам достаточно быстро сориентироваться в ситуации после начала арабских революций и выбрать позицию, обеспечивающую сохранность их интересов в регионе.

¹⁹ Военные в Тунисе и Египте достаточно быстро решили для себя вопрос, на чью сторону им встать. Сирийская же армия явно затянула с выбором, что и привело к постоянно усиливающемуся расколу в ее рядах.

ступлением западной культуры и образа жизни на арабское общество – быт, нравы, мораль, социальные связи между людьми, подрывая здесь устои традиционного общества.

В основе современной политической организации большинства арабских стран лежит принцип национализма, под знаменем которого арабы боролись за свою национальную независимость в первой половине XX в. Однако в условиях многоконфессионального и полиэтнического общества национализм как принцип общественно-государственного устройства таил в себе скрытую угрозу государственной децентрализации, поскольку под воздействием ряда факторов внутреннего и внешнего характера мог быть использован крупными этническими и религиозными сообществами в их борьбе за самостоятельность. В этих условиях единственным средством преодоления дезинтеграционных тенденций становилась авторитарность власти, чья непрерываемость и авторитет базировались на силе и принципе лояльности новому руководству. Однако в долгосрочном плане подобные методы и средства, сохраняясь в неизменном виде, вряд ли могли оказаться эффективными, а в условиях революционного подъема представляли прямую угрозу территориальной целостности отдельных государств²⁰.

Легитимность национального государства, как и всех других политических организаций, заключалась, прежде всего, в его способности обеспечивать защиту жизни своих граждан и их цивилизационных ценностей. Однако по мере втягивания арабских стран в процессы глобализации эта способность стала подвергаться постепенной эрозии. В условиях бурного промышленного развития экономик большинства стран региона, современные технологии связи, транспорта и коммуникаций, промышленного производства вооружений разрушали эту защитную функцию национального государства. К тому же немалое число из вновь образованных государств на арабском Востоке на деле оказались слабы в политическом и военном отношении, несамостоятельны экономически. Они не могли обеспечить эффективное управление, самостоятельно накормить свое население и защищать себя. Поэтому большинство стран региона были вынуждены искать спасения в поддержании определенного баланса сил и защите со стороны более сильных государств.

Изменение геополитической обстановки в 1990-е – начале 2000-х годов разрушили сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке. Политика давления США и ряда других стран Запада по форсированной демократизации государств региона на фоне борьбы с “исламским” терроризмом привела к созданию “вакуума авторитаризма” на Ближнем Востоке, который стал заполняться движениями политического ислама и этно-конфессионального сепаратизма.

В этих условиях ничем не ограниченный национализм как основа государственного порядка, его основной легитимизирующий элемент уже не может служить эффективным инструментом политической организации общества, принципом его действия и сохранения стабильности, а порождает тенденцию к анархии. Правительствам ближневосточных государств все труднее становится обеспечивать внутреннюю стабильность и поддерживать сбалансированные отношения со своими более могущественными соседями. Отсутствие внутреннего порядка и усиление анархических тенденций в политике создают угрозу не только Ближнему Востоку, но и всему миру с учетом геополитической, энергетической, транспортной и коммуникационной значимости Ближневосточного региона.

Исторически развитие арабского национализма осуществлялось в процессе взаимодействия светского и религиозного (исламского) направлений²¹. Превалирование одно-

²⁰ Не случайно сегодня среди многих сирийских и арабских экспертов бытует опасение, что “алавитский” режим Асада (правящее религиозное меньшинство) может в конечном счете привести к расколу страны с выделением так называемого алавитского анклава, напоминающего по некоторым параметрам существовавшее в 20-е годы прошлого столетия Алавитское государство, где алавиты могли надежно укрыться от преследований суннитов.

²¹ Подробнее об истории становления и развития арабского национализма см.: *Левин З.И.* Развитие арабской общественной мысли 1917–1945. М., 1979.

го над другим было связано, прежде всего, с конкретными историческими условиями развития арабских стран и складывающейся в них и регионе политической конъюнктурой. Арабский национализм второй половины XX в. представлял собой модификацию идеологии политических движений конца XIX в., основанных на представлениях об арабах как единой нации и служивший знаменем борьбы арабских народов азиатских провинций Османской империи. Зародившись как один из элементов арабского культурно-просветительского движения ан-Нахда (возрождение) в конце XIX в., арабский национализм не сразу стал ведущим течением в общественно-политическом сознании арабов, идеологическим авангардом их политических движений. Долгое время идеи панисламизма и османизма служили сдерживающим фактором в развитии панарабизма. На рубеже XIX–XX вв. многие арабские политические деятели весьма скептически относились к идеям арабского национализма и полагали, что они подрывают силу Османской империи – единственно мощного исламского государства, способного противостоять экспансионистским устремлениям христианского Запада. Поэтому идеи арабского национализма, в том числе и партикулярного характера, развивались в тот период в основном в рамках панисламизма и османизма, а требования представителей арабских националистов редко выходили за рамки автономии в составе Османской империи²². И только Великое арабское восстание 1916 г., в ходе которого арабы открыто с оружием в руках выступили против османского господства за создание собственной арабской империи, явилось переломным моментом в процессе эволюции идей арабского единства.

Определенное доминирование светского направления в арабском национальном движении после Первой мировой войны было во многом связано с тем обстоятельством, что основу его последующего развития формировали в период ан-Нахды преимущественно арабы-христиане азиатских провинций Османской империи, которые были особенно подвержены влиянию европейских идей секулярного национализма. В своих теоретических изысканиях и подходах к определению панарабизма они делали особый упор на общность арабского языка, культуры и истории и исходили из того, что нация объединяет людей в рамках политической и гражданской общности, а не религиозной. К тому же они плохо представляли себе, как в условиях многоконфессионального арабского общества можно достигнуть арабского единства исключительно на базе ислама. Многие арабские интеллектуалы и национальные лидеры той поры видели в арабском единстве не столько цель, сколько средство “догнать” секулярный Запад в его военном и техническом превосходстве, что также служило укреплению светской линии в национальном движении арабов.

Напротив, в районах арабского Магриба идеология арабского национализма формировалась в основном на базе идей исламской солидарности, что было связано с традициями и характером движущих сил национально-освободительной борьбы в этом регионе, которая проходила под знаменем ислама. Однако, уже к концу 30-х – началу 40-х годов XX в. и в районах арабского Востока исламская составляющая арабского национального движения стала заметно усиливаться. Во многом это было связано с чувством глубокого разочарования значительной части либеральных светских арабских сил “цивилизаторской” миссией секулярного и просвещенного Запада. В результате ближневосточной политики западных держав арабы не смогли создать свое единое государство. Их земли оказались произвольно поделены между Великобританией и Францией и попали от них в колониальную зависимость, что позволило западным державам

²² Сегодня в условиях революционного подъема на арабском Востоке ряд западных и арабских исследователей вновь вернулись к идее о том, что Запад всячески содействовал внедрению арабского национализма в арабскую культурную традицию с целью вытеснения Османов с Ближнего Востока. Они также утверждают, что идеи арабского национализма легли в основу создания авторитарных режимов в арабских странах, которые своей политикой подвели регион к революционным потрясениям, главным бенефициарием их может опять оказаться Запад, не желающий потерять здесь свое влияние.

активно поддержать процесс создания в Палестине национального еврейского государства. Используя антизападнический политический потенциал ислама, исламскую религию как основу культурного арабского наследия, арабские националисты пытались таким образом придать своему движению самобытный, отличный от Запада характер. К тому же начавшийся в этот период подъем антиколониального движения в арабских странах вывел на политическую авансцену Ближнего Востока новые социальные силы, чье мировоззрение и поведенческий стереотип в значительной мере определялись исламом.

После Второй мировой войны этот процесс продолжился и получил свое выражение в развитии концепции уруба (дух арабского самосознания) в направлении укрепления связи арабского национального начала с исламом. Развернувшаяся в арабских странах на рубеже 50–60-х годов XX в. политическая борьба за выбор пути развития, в условиях начала процессов строительства независимых национальных государств и современных обществ, привела к власти в ряде ключевых стран арабского мира представителей светских арабских националистов (баасисты, насеристы), которые пытались осуществить развитие на путях идей социализма. Подобные трансформации существенно укрепили значение секулярных тенденций в арабском национальном движении и повысили роль панарабизма в политике арабских государств.

Несмотря на это исламское направление в арабском национализме не исчезло, а лишь временно отошло на задний план. Даже самые прогрессивные и светские руководители арабских стран были вынуждены искать легитимность своего правления в приверженности к исламу и учитывать интересы исламизированных слоев населения в процессе формирования социальной базы поддержки своей власти. На институциональном уровне это выражалось в том, что практически во всех арабских конституциях ислам провозглашался государственной религией, а ряд положений шариата рассматривались как источник права. Невзирая на непримиримую борьбу, которую арабские правители вели с исламской оппозицией (“Братья-мусульмане”, например), они, как правило, не хотели рисковать и не трогали религиозные учреждения (мечети, медресе и т.п.), в отличие от институтов светских политических оппозиционных движений, которые подвергались полному разгрому в случае прямого столкновения с властью.

Устранив угрозу выступления наиболее радикальных отрядов исламского движения, власти, обычно, не покушались на остальную, куда большую часть финансовой и экономической инфраструктуры исламских институтов общества, их печатные издания, собственность, кадры. Наоборот, они зачастую поощряли их развитие и расширение нередко за государственный счет в обмен на лояльность властям и легитимизацию правящего режима. Поэтому в отличие от оппозиционных политических групп светского характера, исламские оппозиционные движения, даже уйдя на время в подполье, всегда сохраняли потенциальные возможности возврата к активной политической работе. Используя в качестве агитационных пунктов и руководящих штабов мечети и медресе, они могли в короткие сроки обеспечить мобилизацию значительных масс населения и организовать финансовую поддержку своей деятельности через сеть исламских банков и экономических учреждений, чья собственность находилась на положении вакуфов (собственность религиозных учреждений).

Это нашло свое яркое подтверждение в ходе революционных движений практически во всех арабских странах Ближнего Востока. Нередко некоторые запрещенные властями леворадикальные группы в ряде арабских стран весьма успешно использовали возникшие возможности, чтобы таким образом удержаться в политической структуре общества. Со своей стороны, представители не легализованных исламских движений активно участвовали в работе таких светских по характеру общественных институтов государства, как профсоюзы, различные общественные ассоциации, творческие объединения, используя там свое членство для проникновения в представительские органы власти. Хорошим примером подобного взаимодействия могла служить деятельность некоторых отрядов левых политических сил и “Братьев-мусульман” в Сирии и Египте.

Частично этому способствовал тот факт, что правительство Египта в начале 70-х годов XX в. стало проводить политику “исламизации сверху”, пытаясь вывести за рамки политического процесса радикальных исламистов и одновременно взять под контроль деятельных умеренных представителей исламского движения. Существенно расширилась сфера влияния государства на деятельность министерства вакуфов, мечетей, медресе. В рамках этой политики власти выстраивали свои отношения с самым влиятельным исламским движением Египта “Братьями-мусульманами”. Несмотря на то, что в Египте деятельность “Братьев-мусульман” была запрещена, власти фактически закрывали глаза на благотворительную, просветительскую и социальную работу членов организации. Они печатали книги и брошюры, налаживали широкую сеть социальной помощи по всей стране²³. В глазах правительства тактика сближения с “Братьями-мусульманами” была оправдана стремлением властей удержать настроения египетской “улицы” в определенных рамках. Это было особенно важно в условиях растущего социального напряжения в связи с войной в Ираке и нерешенностью палестинской проблемы. В то же время все попытки лидеров организации добиться легализации наталкивались на неизменный отказ властей.

В декабре 2003 г. в ходе довыборов депутатов парламента представители “Братьев-мусульман” не были допущены к выдвижению своих кандидатур в ряде округов. В январе 2004 г. к руководству организацией пришел М. Акеф. Он считался одним из наименее консервативных лидеров организации. Многие его высказывания и действия наглядно свидетельствовали о его “реформаторской ориентации”. Сразу же после своего избрания он взял курс на сближение с правительством. Новый лидер организации хорошо осознавал, что добиться поставленных задач в условиях конфронтации с властью не удастся и это неизбежно приведет к репрессиям. В организации усилились позиции молодого поколения “Братьев-мусульман”, стоявших на позициях “либерально-реформаторского” толка. За последние 30 лет социальный облик египетских исламистов сильно изменился. В рядах исламистов значительно увеличилось количество молодых людей в возрасте до 30 лет. Из них почти половина имеет высшее образование. Они выступают против применения насилия, за проведение радикальных реформ внутри организации, за отказ от ставки на “старшее поколение” и привлечение в организацию молодежи, за усиление активности “Братьев-мусульман” в профсоюзном и молодежном движениях, в первую очередь в университетах и мечетях и за расширение социальной сферы в работе организации.

Деятельность организации приобрела более активный и наступательный характер. “Братья-мусульмане” стремятся обеспечить себе легальные условия для ведения политической борьбы, укрепляют свои позиции в профсоюзах, государственных учреждениях, университетах, местных органах власти в качестве политического плацдарма для проникновения в парламент и правительство, силовые структуры. К концу 1990-х годов исламисты составляли большинство в руководстве ведущих профсоюзов и общественных ассоциаций Египта: адвокатов, врачей, инженеров, преподавателей университетов и т.д. Прошедшие в 2003 г. выборы в правления профсоюзов адвокатов и журналистов показали, что исламисты пользуются большим авторитетом среди рядовых членов профсоюзов. Очевидно, не без согласования с правительством в августе 2004 г. организация выступила с инициативой проведения реформ в Египте. По крайней мере, их инициатива активно рекламировалась в официальных СМИ и была поддержана различными партиями Египта. На этой основе лидеры организации выразили готовность сотрудничать с властями.

В свою очередь, власти посредством организации так называемого “национального диалога” стремились расширить социальную базу режима и одновременно добиться большей подконтрольности исламской оппозиции. Х. Мубарак и его ближайшее окружение, возможно, рассчитывали, что “Братья-мусульмане”, получив места в парламенте, окажут поддержку президентскому курсу, в том числе и в вопросах преемственно-

²³ Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет в последней трети XX века. М., 2002, с. 221.

сти власти. Тем более что один из вероятных претендентов на пост президента страны сын Мубарака Гамаль дал недвусмысленно понять, что придерживается в этом вопросе сходных позиций. В то же время египетское руководство по-прежнему рассматривало “Братьев-мусульман” как своего основного политического соперника и сдержанно относилось к перспективе трансформации организации в политическую партию. Одновременно власть опасалась, что в борьбе за власть “Братья-мусульмане” не остановятся перед использованием насильственных методов. Поэтому в отношениях с ними власть стремилась проводить политику “кнута” и “пряника”: то делая шаги навстречу исламистам, то периодически проводя аресты. Так, в октябре – декабре 2003 г. полиция и силы безопасности ликвидировали несколько группировок исламистов и арестовали активистов организации в Александрии, ряде других городов Египта.

Развитие политических процессов в Египте и регионе в целом повлияло на изменение взаимоотношений в треугольнике: власть, исламисты, армия. Характерно, что одним из первых декретов Высшего военного совета Египта после победы революции стал декрет о разрешении зарегистрироваться так называемой партии “аль-Васат”. Эта партия в течение последних 11 лет активно добивалась легализации. Но власти не давали ей официальной регистрации несмотря на то, что она неоднократно меняла свою партийную программу и названия. Египетские спецслужбы хорошо знали, что данная партия вышла из рядов запрещенной организации “Братьев-мусульман”. В условиях революционного Египта уже очень скоро “Братья-мусульмане” смогли официально легализоваться в “Партию свободы и справедливости” (ПСС). Создали свою партию и так называемые салафиты, которых принято считать одним из радикальных течений в исламе. Любопытно, что на проходивших 28 ноября 2011 г. в Египте парламентских выборов, о которых говорилось выше, “Братья-мусульмане” и салафиты получили около 41% и 25% голосов соответственно, т.е. фактически 2/3 мест в новом составе египетского парламента. При этом избиратели продемонстрировали небывалую для Египта политическую активность²⁴.

На протяжении последних 40 лет правящая партия в Сирии – ПАСВ, основанная на светских идеях арабского национализма, вела непримиримую борьбу против любых проявлений радикального ислама. В САР до сих пор действует закон № 49, согласно которому только за принадлежность к “Братьям-мусульманам” грозит смертная казнь. После жестокого подавления мятежа “Братьев-мусульман” в Хаме в 1982 г., в ходе которого по некоторым данным погибло от 20 до 40 тыс. мирных граждан, “Братья-мусульмане” вели свою работу за рубежом. Однако после начала массовых демонстраций в САР они переместили свои “передовые посты” на территорию Турции. Новый руководитель организации Р. Шакфа поддержал сирийскую оппозицию. Представители “Братьев-мусульман” вошли в состав самой представительной оппозиционной организации САР Сирийского национального совета, образованного в октябре 2011 г. В то же время нельзя сказать, что “Братья-мусульмане” пытаются выставить себя на передовые позиции в ходе массовых демонстраций и движений в Сирии, тем более выдвигать лозунги религиозного содержания.

Выход “Братьев-мусульман” и других исламских организаций на политическую арену арабских стран постреволюционного Ближнего Востока был во многом определен процессом глобализации и связанными с ним демократизацией и реформами, основной вектор которых во многом определялся Западом. Это зачастую интерпретировалось арабским общественным сознанием как попытка западных держав, прежде всего США, переписать политическую карту Ближнего Востока и утвердить там свое господство. В этой связи, несмотря на то, что в теории светский в своей основе процесс глобализации должен был бы усиливать тенденцию к секуляризации в арабо-мусульманском мире, на практике зачастую происходило обратное. Спротивление традиционалистских и националистических сил социально-политическим последствиям глобализации в Ближневосточном регионе провоцировало активизацию исламизма и канализировало

²⁴ aljazeera.net, 12.IV.2011; 7.V.2011; 4.XII.2011.

исламскую идеологию в русло поддержки движений социального и политического протеста, будь то в отдельных государствах или регионе, в целом.

Тем более, некогда популярные идеи арабского национализма, панарабизма, основанные на представлении об арабах как о единой нации, а в дальнейшем персонифицированные на уровне арабских лидеров в лице Г.А. Насера, Х. Асада, С. Хусейна, и проводимого ими политического курса постепенно утрачивали свою привлекательность в широких слоях населения арабских стран. Это особенно было заметно в условиях активизации процессов смены власти в арабских странах, борьбы за лидерство и передел собственности как внутри отдельных стран, так и на арабском Востоке в целом.

Служившие на протяжении нескольких последних десятилетий секулярные идеи панарабизма, арабского национализма в качестве идеологической и легитимизирующей основы (будь то в виде насеризма в Египте или баасизма в Сирии и Ираке) для правящих арабских режимов, не нашли своего практического воплощения. Арабские правительства не смогли решить главные для своих стран и региона проблемы: преодолеть экономическую отсталость, вернуть оккупированные территории на справедливой основе, обеспечив создание палестинского государства, защитить арабские народы от угроз внешней агрессии и междоусобных конфликтов. Таким образом, накануне революций власть полностью утратила доверие и легитимность в глазах собственного народа, и выступить против нее оказалось не таким уж сложным делом.

По-другому складывались дела у движений политического ислама. Действительно, в отдельных странах региона представители политических движений ислама еще задолго до начала революционных событий продемонстрировали возможность прихода к власти как мирным, демократическим путем, так и с помощью силы. Ряд подобных движений и организаций, особенно те из них, которые выступали внутри своих стран с радикальных позиций, требуя восстановления социальной справедливости и равенства, а на региональной арене зарекомендовали себя как последовательные борцы против израильской оккупации арабских земель и американского господства в регионе пользовались поддержкой значительной части населения арабских стран. Поэтому было бы наивным полагать, что в условиях массового народного подъема, они оставались бы в стороне. Однако это вовсе не означает, что, получив власть в постреволюционный период, они способны удержать ее в течение достаточно долгого времени, тем более способны справиться с решением сложных внутри и внешнеполитических задач самостоятельно, без существенной собственной трансформации.

В последние десятилетия организации типа “Братьев-мусульман”, “Фронта исламского спасения”, “Хамас”, “Хизбалла” находились либо на положении гонимой оппозиции внутри своих стран (Алжир, Египет, Сирия), либо, как показали события в Палестине в 2007 г. и Ливане в 2006–2008 гг., сталкивались с активным неприятием со стороны правящего класса ряда ведущих арабских стран и Запада. В результате эти организации пока не пользуются поддержкой различных слоев общества. У них пока нет необходимого опыта государственного управления. Программы развития, учитывающие интересы большинства многоконфессионального и полиэтнического населения этих стран, только будут проходить проверку на прочность в вновь избранных парламентах в странах победившей революции. Революция открыла им путь прихода к власти. Но в нынешних условиях они считают весьма рискованным брать на себя весь груз ответственности за страну, поскольку в случае неудачи они могут не только потерять власть, но и надолго оказаться на обочине развития своих стран. Поэтому они пока склонны к диалогу с действующей властью и поддерживают идею правительств национального единства, о создании которых сегодня говорят практически все от Марокко до Афганистана.

На смену светским в своей основе идеям арабского национализма и движениям панарабизма могут прийти движения политического ислама с новой идеологией, пытающейся совместить национализм с идеями исламской демократии в качестве принципа государственного строительства. Сейчас пересматриваются традиционные представления об исламской умме как общине единоверцев независимо от их национальной

принадлежности. Публичные выступления лидеров “Братьев-мусульман”, палестинского “Хамас”, ливанской “Хизбаллы”, новые корректировки их политических программ и установок значительно в меньшей степени пропагандируют догматы исламской веры. То, что записано в первых программах этих исламских движений представляет собой конечные цели. Никто не может определить сегодня, сколько времени потребуется для их достижения, и будут ли они вообще реализованы на практике. По крайней мере, лидеры этих движений не говорят об установлении шариата как основы государственного управления. Они гораздо больше озабочены положением в собственных странах, сохранением революционных завоеваний, нежели идеей построения “халифата”. Оставаясь в своей основе исламскими движениями, они выступают с национально-патриотических общешарабских позиций и защищают идеи социальной справедливости и равенства, которые формируются на секулярных, а не только религиозных основах.

Другое дело, что лидеры исламских движений гораздо раньше, чем многие арабские руководители, осознали масштаб и глубину грядущих перемен. Ряд идеологов умеренных исламских движений (египетский шейх Юсеф Кардави, глава тунисской исламистской партии “ан-Нахда” Рашид Гануши) стремились приспособить ислам к демократии, “демократизировать ислам”. Это заставляло их модифицировать оригинальные воззрения исламских идеологов, в основе которых лежала идея создания исламского халифата. В программных заявлениях большинства подобных организаций не идет речь о создании единого исламского государства в обозримой перспективе. Они призывают к созданию “исламского демократического государства” в существующих национальных границах. Выступают за отказ от насилия как средства политической борьбы, осуждают терроризм, поддерживают принцип проведения свободных парламентских выборов. Однако на разных полюсах арабо-мусульманского общества исламские движения и их лозунги вызывают серьезные сомнения в их искренности и подозрения в истинности дальнейших намерений исламистов и их последующих шагах в случае прихода к власти. Светские политические силы, представители других конфессий настороженно относятся к исламским реформаторам, рассматривая их как своих конкурентов в демократической борьбе за власть.

Итак, новейшая история арабских стран Ближнего Востока изобилует примерами борьбы и взаимовлияния религиозных (панисламизм, мусульманский модернизм) и светских идеологических течений (панарабизм, партикулярный национализм). Эта тенденция во многом определяла эволюцию арабской общественной мысли и помогала мусульманам приспосабливаться к заимствованным на Западе идеям и концепциям. Поэтому сегодня в условиях революционного подъема в регионе основной проблемой в деле предотвращения раскола Ближнего Востока и урегулирования этно-конфессиональных разногласий является, по-видимому, то, насколько успешными окажутся попытки совместить на национально-патриотической основе светский аутентичный проект развития государства с элементами западной системы ценностей и мусульманский неомодернизм с традиционными исламскими представлениями и идеями.

Возможно, прежние принципы национализма могут быть заменены новыми, носящими наднациональный характер. Тем более что действующие в настоящее время в арабском мире националистические концепции сформировались на основе прежней культурной традиции, которая в условиях смены поколений и революций уходит в прошлое. По принципу соотношения в них национализма и ислама, эти концепции не дают возможности практически объединить усилия различных политических сил и движений региона. Так, в концепциях “националисламистов”, где превалирует светский элемент, ислам выступает как фактор национальной культуры, способный сыграть положительную роль в судьбах арабской нации. Понятие же уммы как религиозной общины и понятие нации резко разграничены. С точки зрения реальной политики ислам представляет собой не столько цель, сколько средство для решения национально-государственных задач. С другой стороны, в концепциях “исламонационалистов” секуляризм хотя и остается основой, однако ислам характеризуется как органическая часть арабской самобытности. Исламские националисты склонны рассматривать арабов как часть мусуль-

манской общины. В практическом же плане подчеркивается приоритет национальных интересов, поскольку панарабизм толкуется как система более открытая по сравнению с исламом, для которого не существует конфессиональных границ.

Лозунги принадлежности к общей арабской нации неоднозначно воспринимаются сегодня курдами в Ираке и Сирии, представителями малых народностей веками живущих в арабских странах и имеющих общую с арабами историю и язык. Принцип равенства всех наций и этносов в исламе оставляет открытым вопрос о положении религиозных меньшинств, представителей различных толков в самом исламе и просто атеистов. Сегодня в кругах интеллектуальной арабской элиты активно дискутируется идея гражданства, предполагающая равноправие всех граждан, как ответ на межрелигиозную рознь и основа для объединения националистов и исламистов. В то же время неясно, в каких географических рамках планируется реализовывать данную идею. Идет ли речь о едином Арабском государстве, объединяющем всех членов Лиги арабских государств, например, или же ныне существующих арабских государств, или могущих появиться вновь на обломках прежних.

Мусульмане, которые проживают в различных странах Западной Европы и имеют их гражданство, тем не менее, не гарантированы от притеснений властей на религиозной и этнической основе. Тем более что в условиях отсутствия подлинно гражданского общества в арабских странах такое решение проблемы представляется нежизнеспособным. К тому же в условиях роста идей и движений политического ислама различного спектра остро встает вопрос, на какой основе возможно (и возможно ли вообще) объединить идеи светского арабского национализма и исламизма для того, чтобы выработать основу для этой новой идеологии наднационального характера. Возможно, различные националистические концепции должны лечь в основу создания более сильной политической системы, способной нейтрализовать анархические тенденции, защитить своих граждан, поддержать внутренний порядок и обеспечить справедливость между различными этническими и конфессиональными группами населения, нормализовать межгосударственные отношения в регионе. При таком устройстве национальные и религиозные меньшинства могут быть органически встроены в структуру этно-конфессионального государства, не обладая при этом какими-то особыми привилегиями и исключительностью своего статуса.

Возможно, ответы на поставленные временем вопросы даст сама арабская революция, которая, судя по многим признакам, только набирает ход.